

4. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем / М. Хайдеггер. – Москва: Гнозис, 1993. – 464 с.
5. Dukhan, I. Visual Geometry: El Lissitzky and the Establishment of Conceptions of Space–Time in Avant-garde Art / I. Dukhan // Art in Translation, 2016. - Vol. 8, issue 2. – P. 194-220.
6. Dukhan, I., Marten-Finnis S. Transnationale Öffentlichkeit und Dialog im Russischen Berlin. Die Avantgarde-Zeitschrift *Vešč* – Gegenstand – Objet / I. Dukhan // Osteuropa. – 2008. – Marz. – S. 37 – 49.
7. Jenks, C. Transgression / C. Jenks. – London, New York: Routledge, 2003. – 216 p.
8. Krauss, R. The Grid, the Cloud, and the Detail / R. Krauss // The Presence of Mies, ed. Mertins, D. – Princeton and Oxford: Princeton Architectural Press, 1994. – pp. 110-126, 113-115.
9. Lavin, S. Kissing Architecture / S. Lavin. – Princeton University Press, 2011. – 136 p.
10. Lodder, C. Celebrating Suprematism / C. Lodder. – London: Brill, 2018. – P.145.
11. Lucan, J. France Architecture 1965-1988 / J. Lucan. – Milan-Paris: Editions Electa Moniteur, 1989. – 203 p.

Л. ВИТГЕНШТЕЙН, СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ⁴

L. WITTGENSTEIN, SUBJECTIVITY AND PHILOSOPHY OF EDUCATION

H.B. Medvedev

N.V. Medvedev

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

e-mail: mnv88@mail.ru

В статье исследуется антикартезианская позиция Л. Витгенштейна, которая может служить аргументированным основанием для деконструкции воззрений Р. Декарта о сознании, субъективности и задачах философии. Подчеркивается вклад Витгенштейна в преодоление картезианского мировоззрения, доминирующего в современной европейской культуре, поясняется важность данного аспекта витгенштейновской мысли для философии образования.

The article explores the anti-Cartesian position of L. Wittgenstein, which can serve as a reasoned basis for the deconstruction of R. Descartes' views on the consciousness, subjectivity and objectives of philosophy. Wittgen-

⁴ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

stein's contribution into changing the Cartesian worldview that dominates modern European culture is emphasized in the article. This aspect of Wittgenstein's thought for the philosophy of education is explained as important.

Ключевые слова: Витгенштейн; Декарт; субъективность; философия образования; концептуальный анализ.

Keywords: Wittgenstein; Descartes; subjectivity; philosophy of education; conceptual analysis.

Философия субъективности является одним из главных достижений западноевропейской мысли. Она задала новый вектор развития современной философии, заложила основу для эффективной научной практики, определила универсальные принципы просветительского мышления и политики либерализма, сформировала рационалистический фон культуры. Безусловно, в когорте интеллектуалов, ответственных за субъективистский поворот в новоевропейском мышлении, Рене Декарт занимает особенно почетное место. Картезианская модель субъективности, так называемая концепция «Я», время от времени становится главной мишенью философской критики, однако, как и прежде, она пользуется значительным влиянием как внутри, так и за пределами философии. Несомненно, Декарту удалось выразить глубокую интуицию о нас самих, высказать ту самую идею, которую невозможно вытеснить посредством критики. Это вовсе не означает, что гносеологическая позиция Декарта является верной. Скорее здесь мы имеем дело с так называемой парадигмальной ситуацией, которую довольно точно описал Л. Витгенштейн: «Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет ее нам» [3, с. 128]. Картезианская картина ошибочна, именно это стремился показать Л. Витгенштейн. Устойчивость картины Декарта обусловлена тем обстоятельством, что она воплощена в грамматических формах нашего языка. Поэтому вопрос о том, как возможно преодолеть модель субъективности Декарта, остается для нас по-прежнему открытым. В этой связи для нас оказывается важным обращение к философии Витгенштейна, которая позволит не только постичь возможный способ преодоления картезианской картины субъективности, но и посмотреть в новом свете на проблемы современной философии образования.

Целью представленного исследования является анализ антикартезианской установки Л. Витгенштейна, которая может служить аргументированным основанием для деконструкции воззрений Р. Декарта о сознании, субъективности и задачах философии. Рассмотрение позиции Витгенштейна в ракурсе педагогической философии призвано продемонстрировать тот факт, что его методологическая установка является полезной для философии образования. Иными словами, необходимо показать

вклад Витгенштейна в дело преодоления господства картезианского мировоззрения в современной культуре и объяснить значимость данного аспекта витгенштейновского мышления для философии образования.

Философская педагогика Витгенштейна и картезианский субъективизм

В учении Декарта «гносеологический поворот» получил наиболее полное выражение, став важнейшим достижением философии Нового времени. Французский философ превратил субъективность, индивидуальное мышление в надежный фундамент достоверного знания и направил развитие современной философии по пути теории познания. В дальнейшем его гносеологическая концепция была дополнена трансцендентальной аргументацией И. Канта, связанной с обоснованием возможности априорных синтетических суждений. Философское и научное наследие Декарта в настоящее время глубоко проникло в *тело* европейской культуры. Вместе с тем степень влияния Декарта на современное мировоззрение не поддается полному и достоверному анализу [9, р. 513]. Для философии субъективности Декарта характерны следующие особенности: 1) дуалистическое воззрение о соотношении духа и материи, сознания и тела, причем дух причинно воздействовал на материю; 2) индивидуалистическая установка относительно содержания психики субъекта, приверженность представлению о привилегированном доступе индивида к внутренним состояниям своего сознания благодаря интроспекции или самосознанию; 3) перенесение центра в субъект, человек отказывается от своей прежней ориентации на Бога [1, с. 23]. Картезианский подход призван избавить субъекта от ошибочных познавательных суждений и тем самым обеспечить базис для построения достоверной системы научного знания.

Витгенштейновская критика картезианского субъективизма нередко понимается специалистами искаженно. Нередко позицию Витгенштейна интерпретируют как отрицание реального существования состояний сознания или описывающего человеческие мысли и чувства исключительно в социологических терминах, а именно как внешние, социально адаптированные феномены. Утверждается также, что Витгенштейн решительно отвергал возможность представления о мире от первого лица. Чтобы устранить ошибочные (и довольно поверхностные) толкования актикартезианской установки Витгенштейна, обратимся сначала к рассмотрению концепции субъективности Декарта, поясним ее суть.

Следует отметить, что слова «субъект» и «субъективность» сами по себе многозначны. Термин «субъект» происходит от латинского слова «*subjectus*», что означает «лежащий внизу», «находящийся в основе». Понятие субъект в философии употребляется в значении – «носитель

субстанциональных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта» [7, с. 1001], конституирующих основание других вещей. У Декарта «субъект» предстает как метафизически доминирующая категория, обозначающая «Я» как мыслящую вещь, человеческий разум, Ego, дух, или ум [2, с. 87]. В настоящее время понятие субъективности используется в философии для обозначения различных феноменов: сознания, интенциональности, человеческой силы воли или самосознания.

Декартова философия субъективности, возникшая на основе определенного представления о познающем субъекте, берет свои истоки в средневековой религиозной культуре и схоластической философии. Она одновременно смыкается с математической моделью достоверности, направленной на обеспечение объективных начал научного знания [5, с. 36–37]. Декарт сумел выразить в своей философии позицию архетипического онтологического индивидуализма, которая состоит в оценке «Я», человеческой самости как самодостаточной сущности, необусловленной никакими внешними факторами. В картезианской философии образ «Я» представлен в виде свободно развивающегося индивидуального субъекта. Согласно Декарту, для непосредственного, внутреннего знания самого себя человеку не требуется ни обучение языку, ни общий концептуальный аппарат, поскольку его «Я» само по себе обладает ясным и отчетливым знанием, причем совершенно необязательно для этого изучать и осваивать определенные формы человеческой деятельности. Достоверное знание изначально открывается познающему субъекту через интуицию, оно внеисторично и предшествует культурному опыту субъекта.

Безусловно, вопрос о возможных способах деконструкции, преодоления картезианской картины мира, на которой зиждется современная философия, использующая бинарные оппозиции душа–тело, субъект–объект, внутреннее–внешнее, слово–вещь, означающее–означаемое, я–другой, сегодня оказывается важнейшей задачей философии образования. И в данном случае мы можем интерпретировать философию образования Витгенштейна как ориентированную на критику декартовой модели субъективности и гносеологического фундаментализма, апеллирующего к принципам достоверности и точной репрезентации.

В соответствии с витгенштейновским подходом, дуалистическая теория сознания должна уступить место представлению о субъективности как продукту культурно-исторических влияний, когда знание и обучение рассматриваются как лишенные заданных оснований, предстают перед нами в виде совокупности возможных, разнообразных социальных практик. Следует отметить, что точка зрения Витгенштейна яв-

ляется одновременно антифундаменталистской и антирепрезентационалистской. В «Философских исследованиях» и других своих работах он вступает в открытое интеллектуальное противостояние с картезианской концепцией субъективности, с теми последствиями, которая она несет для процессов познания и репрезентации. Положительным результатом этого противостояния стал разработанный Витгенштейном особый альтернативный терминологический словарь и так называемые *терапевтические* методы, направленные на обсуждение картезианской картины сознания, которую Гилберт Райл назвал «догмой призрака в машине» [6, с. 25]. Витгенштейн поставил перед собой сложнейшую задачу – опровергнуть воззрение Декарта о природе субъективности, преодолеть эссенциалистскую концепцию, которая исходит из механистических принципов и превращает изолированное мышление субъекта в необходимый отправной пункт философии. По словам Витгенштейна, цель философии – «показать мухе выход из мухоловки» [3, с. 186]. В контексте обсуждаемой проблемы это фраза означает распутывание концептуальных сетей картезианства, в которых оказалось сегодня все человеческое мышление.

Следует отметить, что декартова картина сознания включает в себя не только концепцию разума, но и множество различных тем: представление о познании, репрезентации, природе человека и назначении философии. Однако, чтобы вытеснить эту картину из нашего мировоззрения, опровергнуть ее и разоблачить как определенную мифологию, с помощью которой легитимируется конкретный взгляд на мир, нам требуется нечто большее, чем обычная логическая аргументация или концептуальный анализ. Витгенштейн демонстрирует своей собственной философской практикой то, что вытеснение глубоко укоренившейся в современной культуре феномена картезианства есть не только вопрос поиска и формулировки сильных аргументов, но и вопрос необходимости разработки различных риторических приемов и стратегий. Этот момент имеет особое значение для философии образования, поскольку от сегодняшних преподавателей требуются такие действия и подходы, которые побуждали бы учащихся шире использовать свои эмоции и воображение для разрешения философских головоломок.

Хотя ранний Витгенштейн в период «Логико-философского трактата» (1921) рассматривал философию как «критику языка», применяя метод логического анализа для выявления общей формы предложения, данная установка сама по себе обеспечивает состояние языковой гигиены и не приводит нас к окончательному прояснению значения понятий. Философия позднего Витгенштейна, введенные им в оборот понятия – «языковая игра», «семейное сходство», «форма жизни», «значение как

употребление» – отдаляют нас от намерения применять исключительно концептуальный анализ для достижения целей философии. Витгенштейн учит нас: во-первых, умению различать различные способы употребления слова, которые носят описательный, а не объяснительный или предписывающий характер. Во-вторых, осознавать наличие разнообразных видов употребления слов, которые *оживают* в рамках конкретной языковой игры и формы жизни. В-третьих, постигать, что понятие или слово приобретает свое значение только в контексте предложения, а предложение обретает свой смысл лишь внутри системы утверждений и набора практик. В-четвертых, невозможно изучить правила языковых игр теоретически, они осваиваются только на практике [8, с. 34–35]. В-пятых, проследив за *употреблением* языкового выражения, мы обнаруживаем только «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [3, с. 111], т.е. обнаруживаем феномен семейного сходства, который сопротивляется любым объяснениям и определениям с точки зрения необходимых и достаточных оснований. В-шестых, правила грамматики свободны от строгих границ логики, они выражают нормы языка и говорят нам, что это за объект [3, с. 200]. Они встроены в культуру, а *«говорить на языке, – по Витгенштейну, – компонент деятельности или форма жизни»* [3, с. 90]. Здесь необходимо сделать оговорку. Дело в том, что хотя Витгенштейн и признает метод концептуального анализа, но признает его лишь как один из способов философской терапии: «нет какого-то *одного* философского метода, а есть методы наподобие различных терапий» [3, с. 132]. И что особенно важно, с точки зрения Витгенштейна, язык не образует фундамент для познания и деятельности, поскольку слова и оправдания имеют свой конец [4, с. 346]. Мы опираемся на так называемые «осевые» предложения, которые не являются ни истинными, ни ложными, вместе с тем служат прочной опорой для нас в повседневной и научной деятельности. Когда Витгенштейн говорит: «Однако обоснование, оправдание свидетельства приходит к какому-то концу; но этот конец не в том, что определенные предложения выявляются в качестве непосредственно истинных для нас; то есть не в некоторого рода *усмотрении* с нашей стороны, а в нашем *действии*, которое лежит в основе языковой игры» [4, с. 348], то он имеет в виду тот факт, что культурная практика является опорой для наших языковых игр, это способ действия не требующий оправдания. В отличие от Декарта, признававшего несомненность саморефлексирующего *cogito* в качестве основания нашего знания, построенного в соответствии с математической моделью достоверности, Витгенштейн осуществляет натурализацию и социализацию когнитивных процессов че-

ловека, которые сначала локализует в естественном языке, а затем объявляет их деятельностью компонентом культуры.

Совершенный Витгенштейном прагматический поворот выразился в акцентировании связи языка с формами жизни людей и их действиями. Это объясняет, почему он отрицал указательную функцию местоимения «Я». Согласно Витгенштейну, связь субъекта с целью его возможной референции при употреблении слова «Я» неверно определять как эпистемическую, так как такая связь осуществляется автоматически, нерелексивно. Это означает, что условия, обеспечивающие данную связь, не могут быть описаны как «знание» или продукт рефлексивной деятельности субъекта. Скажем, когда я испытываю боль, то больно именно мне; боль действует на меня, минуя опосредующие звенья в виде рефлексивных актов. С этой точки зрения, реакция, действие выступают как первичный акт, а речь (или мышление) – вторичное, производное от него действие.

Таким образом, можно сделать вывод, что Витгенштейн не был философом-фундаменталистом в любом возможном значении данного термина. Достоверность и значение у него обусловлены предпосылочным контекстом, без которого невозможно формулировать суждения: «... я хочу понять ее [уверенность] как что-то, находящееся по ту сторону обоснованного и необоснованного; то есть словно нечто животное» [4, с. 365]. Витгенштейн не продвигал никакую теорию, он использует методы языковой терапии для деконструкции разнообразных философских замешательств. Тем самым он помогает нам освободиться от концептуальных заблуждений, которые с очевидностью обнаруживаются тогда, когда мы начинаем философствовать. В то же время Витгенштейн разубеждает нас в самой возможности занять позицию внешнего наблюдателя в отношении употребляемого естественного языка, чтобы таким способом научиться управлять нашим внешним восприятием. И если, по Декарту, воззрение стороннего наблюдателя необходимо и достаточно для постижения сущности мысли, языка, формирования объективного знания о мире, то Витгенштейн, напротив, стремится привести нас к пониманию того, что наши собственные интуиции о значении и мышлении лучше всего приспособлены к повседневным формам выражения, к тому миру, который обнаруживается через эти языковые выражения.

Развенчав картезианскую концепцию субъективности, Витгенштейн показывает, что «грамматика» нашего мышления, будучи смыслообразующим орудием, проистекает из того, что именуется «языковой игрой», т.е. из обычаев, социально установленных правил языкового употребления в рамках определенных форм человеческой деятельности.

Витгенштейновский анализ грамматики употребления слова «Я» приводит нас к неожиданному открытию: язык возник не из мышления. Язык вплетен в разнообразные жизненные ситуации, где мы уверенно действуем, не стремясь оправдать надежность наших воспоминаний или чувственных восприятий. На основе примеров Витгенштейн демонстрирует невозможность применить процедуру верификации к психологическим предложениям от первого лица. Тем самым он сумел обосновать действительностную (перформативную) природу языка и установить нижнюю границу его функционирования.

Витгенштейн распространил действие своего подхода на область образования. Он пишет: «Я решил все проблемы, которые образование подавляет, не разрешая. Я говорю этим подавленным сомнениям: вы совершенно правы, продолжайте спрашивать, требуйте разъяснений» [10, с. 382]. Метод концептуального анализа, таким образом, далеко не единственный и не самый значимый аспект философии образования Витгенштейна. Развиваемые им способы понимания языковых выражений направлены на преодоление картезианской концепции субъективности, что имеет несомненное практическое значение для педагогической области. Демонстрируемые им риторические приемы и терапевтические методы могут быть использованы педагогами для формирования творческих наклонностей обучающихся, для развития их способности воображения, мысленного конструирования, это также содействует овладению учащимися навыками критического мышления. По мнению М. Питерса, витгенштейновский критический анализ картезианского мировоззрения, декартовой концепции субъективности, может помочь нам в разработке той модели образования, которая обладает характеристиками открытости, рефлексивности, вовлеченности педагога и учащихся в процесс взаимного творчества, что отвечает духовным потребностям нашего времени [8, с. 37].

Таким образом, представленная здесь интерпретация идей Витгенштейна призвана сформировать устойчивое представление о нем как философе образования. Терапевтические приемы Витгенштейна могут успешно применяться для эффективной критики эссенциалистских высказываний, установок субъективистской эпистемологии, индивидуализма, что особенно актуально в современную эпоху глобализации, когда вопросы о самоидентификации личности, диалоге цивилизаций, понимании чужих культур выходят на передний план.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бохенский, Ю.М. Современная европейская философия / Ю.М. Бохенский. – М.: Научный мир, 2000. – 256 с.

2. Декарт, Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии / Р. Декарт.— Луцк: Вежа, 1998. —, 302 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. — Часть I. — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 75-319.
4. Витгенштейн, Л. О достоверности // Л. Витгенштейн. — Философские работы. Часть I. — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 321-405.
5. Медведев, Н.В. Историко-методологический анализ эволюции представлений о соотношении философии и науки / Н.В. Медведев // Вестник Томского государственного университета, 2018. — № 432. — С. 32-40.
6. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 408 с.
7. Хомич, Е.В. Субъект и объект / Е.В. Хомич // Новейший философский словарь: 3-е изд. исправл. — Мн.: Книжный дом, 2003. — 1280 с.
8. Peters, A. Subjectivity After Descartes: Wittgenstein as Pedagogical Philosopher / M. Peters, J. Stickney (eds.) // A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations. Singapore: Springer Nature, 2017. — P. 29-42.
9. Stroud, B. Our debt to Descartes / B Stroud, J. Broughton, J. Carriero (eds.) // A Companion to Descartes. — Oxford: Blackwell, 2008. — P. 513-525.
10. Wittgenstein, L. Philosophical Grammar / L. Wittgenstein, R. Rhees (ed.), A. Kenny, (trans.). — Oxford: Blackwell, 1974.

КРЭАТЫЎНЫЯ ІНДУСТРЫІ Ў СІСТЭМЕ ПАДРЫХТОЎКІ БУДУЧЫХ КУЛЬТУРОЛАГАЎ

CREATIVE INDUSTRIES IN THE SYSTEM OF FUTURE CULTUROLOGISTS TRAINING

C.B. Snapkoŭskaja

S.V. Snapkovskaya

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
Belarussian State University, Minsk, Belarus
e-mail: ssvet88@inbox.ru

Аўтар актуалізуе тэарэтычныя аспекты праблемы “крэатыўныя індустрыі” ў сучасных ўмовах глабалізацыі і ўніфікацыі нацыянальных каштоўнасцей. Упершыню аналізуецца інавацыйны вопыт шляхоў укаранення разнастайных крэатыўных тэхналогій ў сучасны адукацыйны працэс падрыхтоўкі будучых культуролагаў.

The author actualizes theoretical aspects of the problem of ‘creative industries’ in modern conditions of globalization and unification of national values. For the first time, the author analyzes innovative experience of the ways of implementing a variety of creative technologies in the modern educational process of future culturologists training.

Ключавыя словы: творчая асоба; каштоўнасці; адукацыйны працэс; культура; крэатыўныя індустрыі; глабальныя перамены; інавацыі.